

ТАТЬЯНА НОВИКОВА

ФИКТИВНЫЙ

БРАК

Срочно ищу жену

Обращаться к некроманту

Татьяна Новикова

**Срочно ищу жену.
Обращаться к некроманту**

«Автор»

2026

Новикова Т.

Срочно ищу жену. Обращаться к некроманту / Т. Новикова —
«Автор», 2026

Замуж за некроманта я не собиралась. У меня были куда более приземленные планы: доказать, что запрещенное зелье мне подбросили. Но когда тебе угрожают лишением дара, а самый жуткий маг королевства предлагает свою защиту — можно и передумать. Так мы с Арсением Вирнгольдом заключили фиктивный брак. Осталось всего ничего: найти настоящего преступника, пережить унижительные проверки Управления по магическим делам и... сохранить с мужем сугубо деловые отношения. Подождите, тут возникла маленькая проблемка! Кажется, я начинаю что-то испытывать к своему супругу. Ой-ой...

© Новикова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запрещенное зелье	5
Глава 2. Предложение, от которого невозможно отказаться	11
Глава 3. Некромантишет невесту	14
Глава 4. Родственникиидут в комплекте с женихом	18
Глава 5. Непаникуйте, госпожа Аьер	24
Глава 6. Ночьпосле свадьбы	29
Глава 7. Новый статус	32
Глава 8. Высчастливы, госпожа Вирнгольд?	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Новикова

Срочно ищу жену. Обращаться к некроманту

Глава 1. Запрещенное зелье

— Изготовление Могильника карается лишением дара, госпожа Альер.

Стражник сказал это таким будничным тоном, будто сообщал цену на морковь. Он стоял посреди моей лавки. Одетый в серую форму следственного отдела Управления по магическим делам, держа на вытянутой руке черный флакон. И произносил слова, от которых у меня сердце ушло в пятки.

Шкафы были распахнуты, банки с травами раскиданы, мешочки с сушеным тимьяном и полынью валялись на полу. Создавалось впечатление, что по лавке прошелся смерч.

Чем я только не торговала. И настоями от бессонницы, и мазями от ожогов, и каплями от икоты. Имелся даже порошок от мелких вредителей, который один раз, по вине клиента, изгнал из дома не только мышей, но и тещу, за что я до сих пор получала благодарственные открытки.

Но тут точно не могло оказаться Могильника.

Запрещенное зелье первой категории. Степень опасности: наивысшая.

Откуда бы оно у меня взялось?!

Его не варили в маленьких лавках между делом, разве что в подпольных условиях, для «черного рынка». Изготовление зелья каралось законом, а его рецепт хранился в строжайшем секрете.

Потому сейчас я рассматривала флакон, найденный в нижнем ящике моего стола, и пыталась не паниковать.

Получалось плохо.

Откуда он взялся?..

Стекло было матовым, с тонкой серебряной вязью вокруг горлышка. Внутри ничего не плескалось. Тьма в нем двигалась как живая. От флакона тянуло холодом, и этот холод не имел отношения ни к зиме, ни к сквозняку от распахнутой двери.

— Это не мое, — поспорила я.

Голос прозвучал решительно. Даже странно. Я ожидала, что он сорвется, превратившись в писк или в истеричный всхлип, а нет.

Главный стражник посмотрел на меня поверх протокольного листа.

— Не подскажите, как в таком случае оно оказалось в вашей лавке?

— Кто-то подложил?

— Кто же? — откровенно насмехался он.

— Да кто угодно!

Он сузил глаза и заговорил другим тоном, строгим и бюрократическим:

— Госпожа Альер, флакон найден в ваших вещах. В журнале учета есть запись о приобретении пепельной астры. В шкафу с редкими травами обнаружены следы лунной сажи. Оба ингредиента входят в состав Могильника.

— Пепельную астру я не покупала никогда в жизни. Она мне не по карману.

— Запись о покупке датирована прошлой неделей.

— Значит, запись подделали.

— Вашим почерком?

Стражник молча перелистнул журнал и положил его передо мной.

Склонившись, я оперлась о стойку, насколько позволяли наручники на запястьях, которыми меня сковали, когда обнаружили этот злосчастный Могильник.

Да, буквы, на первый взгляд, похожи на мои. Такая же петля на кончике «р», так же прижата «л» к следующей букве. Но почерк определенно чужой. Есть заметные отличия, если начать сверять текст вдумчивее. Вон какая «о» округлая, как бочонок. И точки слишком крупные, мои всегда мельче.

Я попыталась сказать об этом стражнику, но тот лишь отмахнулся.

— Вы думаете, с вас снимут обвинения из-за того, что вы сделали запятую чуть жирнее обычного?

— Услышьте меня: я не варила Могильник! — отрезала, глядя стражнику прямо в глаза. — Мне бы попросту не хватило мастерства. Перед вами бытовая зельеварка, а не черный маг.

Главный сделал какую-то пометку в блокноте, но никак не прокомментировал мои слова. По-моему, ему было просто плевать.

У входа в лавку толпились соседи. Госпожа Лейн, моя постоянная покупательница и главная сборщица сплетен, прижимала к груди пакет с календулой, который так и не успела оплатить. За ее спиной мелькали люди: сапожник с дочкой, булочник, девица из швейной лавки. Все поглядывали на меня с любопытством, будто надеясь, что я выдам подробности прямо при них.

К вечеру по кварталу точно пойдет слух, что Мирослава Альер варит запрещенные зелья в подвале, а еще оживила дохлого кота или прокляла какую-нибудь бабку.

Какое счастье, что мои родители живут в другом городе. Они бы сквозь землю провалились, узнав, в чем обвиняют их дочь.

— Что еще скажете в свою защиту? — лениво поинтересовался главный стражник.

— Я не представляю, откуда взялся Могильник. Но вы, конечно же, не поверите, господин

— Капитан Берн. — Он поднял на меня блеклые глаза. — Я видел, как лишают дара, госпожа Альер. Жуткое зрелище. Советую вам срочно вспомнить алиби понадежнее, чем «Я не я и склянка не моя».

И рассмеялся над своей не самой смешной шуткой.

Я нервно оглядела лавку. Полки с травами. Вывеску, на которую копила почти год. Шкафчик у окна, где хранились самые дорогие зелья.

Кто мог подложить флакон?

Да кто угодно! Покупатель. Поставщик. Сосед. Я часто отвлекалась и даже ненадолго выбегала во двор, оставляя лавку открытой.

Другой вопрос: зачем кому-то подставлять мелкую зельеварку?

— У меня нет алиби, — выдавила я.

Капитан Берн закрыл протокол.

— Тогда будете вспоминать в следственном отделе.

— Постойте, капитан, — вмешался рыжий стражник. — Зелье ведь посмертного назначения. По правилам такие дела передаются профильному эксперту.

Капитан Берн хлопнул себя по лбу.

— И точно! Каждый раз забываю. Что ж, в таком случае ваше дело будет передано лорду Арсению Вирнгольду.

На улице кто-то испуганно охнул.

Я тоже, наверное, охнула бы, если бы смогла открыть рот. Но тот от ужаса словно задеревенел.

Арсений Вирнгольд.

Потомственный колдун, глава древнего рода. И самый жуткий некромант во всем королевстве.

Мужчина, о котором говорили исключительно шепотом, ибо боялись ненароком призвать его. В доме Арсения, по слухам, слуги были мертвы, а в зеркалах отплясывали призраки.

Про него рассказывали, что он безумно красив. Да только никто не покусился на его внешность, ибо этот человек был опасен сверх меры. А еще имел отвратительный характер.

Наручники на запястьях потяжелели, когда капитан потянул меня за локоть. В голове лихорадочно крутились мысли. Что же делать?! Сейчас меня выведут из лавки, и, возможно, я уже никогда не вернусь сюда.

— Можно хотя бы закрыть шкаф с сушеным зверобоем? — спросила я.

Капитан Берн поморщился:

— О чем вы толкуете?

— Сушеный зверобой должен храниться без доступа к воздуху и свету. Если оставить шкаф открытым, весь запас пропадет.

— Госпожа Альер, вы уверены, что в вашей ситуации вообще стоит переживать за зверобой?

Я собиралась ответить, но рыжий стражник уже подошел к шкафу и аккуратно прикрыл дверцу.

— Спасибо.

Он равнодушно махнул рукой.

У экипажа госпожа Лейн схватила меня за рукав.

— Мирочка, я всем скажу, что ты, скорее всего, не готовила никаких запрещенных зелий.

— Очень прошу, не добавляйте «скорее всего».

Она всхлипнула.

— И за лавкой присмотрю, не беспокойся.

Вот теперь я испугалась чуть ли не сильнее, чем в момент, когда услышала, что меня ждет лишение дара. Госпожа Лейн среди моих склянок и бутылок — это настоящая катастрофа. Да она же всё либо раздаст за бесценок, либо выкинет, ибо оно плохо пахло. По ее мнению, разумеется.

Госпожа Лейн помахала мне рукой и радостно побежала копаться в моих вещах, не дождавшись даже, когда меня увезут. Я проводила ее тоскливым взглядом.

Экипаж тронулся.

Я сидела, зажата между двумя стражниками, и думала, как бы доказать свою невиновность. Но доказательств у меня не имелось, а всё алиби строилось на «Мамой клянусь, это не мое». Короче, шансы на оправдательный приговор были невелики.

— А если если меня всё же приговорят к лишению дара, когда это произойдет? — уныло спросила я.

Капитан Берн усмехнулся:

— Занятные вопросы вы задаете, госпожа Альер. Вы же невиновны, о чем вам переживать?

— После сбора доказательной базы будет назначено слушание в судебной коллегии, — буркнул второй стражник. — Думаю, в вашем случае через неделю уже всё закончится.

Неделя.

Всего неделя между человеком, у которого есть мечты и стремления — и его пустой оболочкой. Если колдуна лишить дара, он не умрет. Физически будет существовать. Только вот внутри у него не останется ничего. Выжженная земля на месте, где бурлила энергия.

А именно потоки энергии делают нас живыми.

— Но ведь эксперт может заключить, что зелье варил кто-то другой?

— Его заключение будет приложено к протоколу дела. Не переживайте, госпожа Альер. Мы докапаемся до правды.

Хотелось бы верить.

Некромантское крыло находилось в старом здании за ратушей. Снаружи оно выглядело вполне обычно: стены выложены серым камнем, узкие окна, а над дверью знак, извещающий, что крыло относится к Управлению по магическим делам.

Но тут сам воздух был пропитан чем-то неживым. На ступенях не сидели просители, как у обычных ведомств. Не спорили писари. Не ругались торговцы. Даже вездесущие голуби почему-то обходили это место стороной.

Мы прошли через приемную, потом через коридор с железными дверями по обе стороны. На одной висела табличка: «Посмертная экспертиза». На другой: «Зал спиритических сеансов». На третьей лаконичное: «Не входить! Убьет!»

Кабинет эксперта тоже был довольно скучен. Ни тебе черепов на полках, ни черных свечей. Даже гроба в углу для важных переговоров не нашлось.

Зато был большой письменный стол и шкафы с бесконечными папками, карта города на стене, несколько пустых склянок.

Короче говоря, рутина.

Я поехала. Чудовищам типа Вирнгольда положено работать в личном склепе, среди костей и паутины. А когда смерть разложена по коробочкам и аккуратно подписана, складывается впечатление, что здесь трудятся самые обычные люди.

И вообще, почему меня привели к самому Вирнгольду? Он же в некромантском крыле за главного, насколько я помню. У него что, нет экспертов пониже рангом?

У окна стоял высокий мужчина, который обернулся, стоило нам войти в кабинет.

Если честно, Арсений Вирнгольд не был похож на чудовище.

Темноволосый, в черном костюме без единой лишней складки. Бледное лицо с резкими скулами, четко очерченный рот, темно-серые глаза. Красивый, но красота эта была опасная, заостренная.

Я вдруг поняла, откуда берутся слухи о его персоне. От некроманта веяло смертью и загробной тишиной.

Капитан Берн поставил опечатанный прозрачный футляр с флаконом на стол.

— Лорд Вирнгольд, к вам доставлена подозреваемая в варке запрещенного зелья Мирослава Альер. Флакон был найден в ее лавке. Первичный тест подтверждает компоненты Могильника. Зелье посмертного назначения, потому это ваша вотчина.

Арсений Вирнгольд не удостоил меня даже взглядом. В глазах его плескалось равнодушие. И, по правде, такое отношение меня задело. Хотя чего я ждала? Что королевский некромант бросится утешать зельеварку-неудачницу?

— Оставьте нас, — приказал он.

Капитан Берн нахмурился.

— Милорд, подозреваемая

— Она не может быть опасна для меня.

— По правилам

— По правилам, — перебил Вирнгольд, — все экспертизы в некромантском крыле проводятся без посторонних живых, если посторонние живые не хотят стать мертвыми.

Капитан Берн тотчас закивал:

— Понял-понял. Извините. Только, пожалуйста, не задерживайте предварительное заключение. Это ведь всего лишь формальность.

И стражники быстренько вышли, а дверь хлопнула за их спинами.

Я осталась наедине с едва ли не самым страшным человеком королевства.

— Садитесь, госпожа Альер, — скорее приказал, чем предложил Арсений Вирнгольд.

— Благодарю. Я предпочту постоять.

— Через несколько минут у вас закружится голова. Магические наручники не только сдерживают, но и ограничивают кровоток.

Я понуро глянула на свои скованные руки и села.

Он достал флакон из футляра без страха или отвращения. Взял так равнодушно, словно это была не проклятая гадость, из-за которой я уже мысленно попрощалась с будущим, а какая-то безделушка.

— Вы знаете, что это такое? — спросил Арсений.

— Угу. Могильник.

— В названиях зелий вы разбираетесь, — хмыкнул он. — Но мне любопытно другое. Понимаете ли вы, с чем имеете дело?

— Это запрещенное зелье, которое отделяет душу от тела и используется в самых грязных некромантских ритуалах.

— Вот как в грязных. Кем вы считаете некромантов, госпожа Альер? Помойными крысами?

Я тут же осознала свою ошибку и стремительно побледнела.

— Нет, господин Вирнгольд.

Мужчина коснулся серебряной вязи на горлышке флакона и произнес короткое магическое слово. Даже не произнес, а будто прокаркал его. Так сумрачно оно звучало.

Тьма внутри флакона дрогнула, и по кабинету пробежал морозец.

Я ожидала, что некромант будет проверять руны или осматривать зелье. Возможно, попробует его на вкус. Кто знает, что в головах этих некромантов. Но Арсений прислонил флакон к уху. Он слушал так внимательно, как лекарь слушает пациента.

Наконец, вдоволь наслушавшись флакона (интересно, что тот ему поведал?), Вирнгольд поставил его обратно на стол.

— Вы не варили это зелье.

Мне стоило огромного труда не завопить: «А Я О ЧЕМ ГОВОРИЛА!!!»

— Вы передадите эту информацию в Управление?

— Непременно.

— И меня отпустят?

— Разумеется нет.

Надежда, которая уже успела приподнять голову, получила удар лопатой по голове и легла обратно в яму.

— Почему?!

Арсений положил руки перед собой, сцепив их в замок. Пальцы у него были красивые, музыкальные. Длинные, с аккуратными полукружьями ногтей.

Я-то думала, что ночами некроманты копаются на кладбищах, а потому их руки всегда в земле.

— Потому что в моем заключении будет указано, что вы не смогли бы сварить зелье такого уровня в одиночку. Уровень стабилизации слишком высок. У вас нет нужных знаний или опыта работы с посмертными связями. Навскидку, — он принялся, — вы не варили ничего сложнее микстуры от чахотки.

Некромант, который по запаху определял мои возможности, изумлял не на шутку. Хуже было то, что он практически угадал. Мой дар довольно слаб и сугубо бытовой.

В общем, я даже не обиделась на его насмешливый тон. Новость-то хорошая. Я неспособна такое сварить.

— Но у вас мог быть поделщик, — закончил Арсений Вирнгольд, пока я не успела раз мечтаться.

— Но его не было

— Охотно верю. Если бы вы промышляли варкой или продажей запрещенных зелий, то выглядели бы несколько презентабельнее.

А вот это уже неприятно звучит, если честно. Нормально я выгляжу. Платье чистое, ситцевое. Недавно куплено, между прочим. Туфли тоже ношу всего сезон. Волосы опрятны, лицо умыто.

Да что его не устраивает?!

Но не в моих интересах ругаться с некромантом, который, к тому же, расследует мое дело, поэтому я спросила:

— И как доказать мою невиновность следователям?

— Я бы мог этим заняться. Но на сбор доказательств нужно время. А я боюсь, что следственный отдел не будет медлить. Для них всё просто: вы попались с Могильником, а уж откуда его взяли — дело второе.

Арсений положил ладонь на флакон и погладил его кончиками пальцев, словно тот был живым существом.

— Управление любит такие вот показательные дела. Могильник, обнаруженный в частной лавке, зельеварка без имени. Думаю, они лишат вас дара так быстро, что вы даже не успеете запросить апелляцию.

Кровь отхлынула от лица. Я вцепилась пальцами в края юбки.

— Но есть способ отсрочить приговор, — внезапно закончил Арсений с недобрым смешком.

— Какой?

Он посмотрел на меня очень внимательно. Так, будто собирался предложить мне шагнуть в бездну, причем добровольно и с улыбкой на губах.

— Вы можете перейти под защиту дома Вирнгольдов. Это даст нам время разобраться с тем, откуда Могильник взялся в вашей лавке.

— Но зачем дому Вирнгольдов брать меня под защиту? — засомневалась я. — Вы хотите денег? Сколько?

— Мне не нужны ваши деньги, госпожа Альтер.

Мне очень не понравилось, как он ухмыльнулся.

— Тем более не понимаю. Я буду под защитой как обвиняемая?

— Нет.

— Как свидетель?

— Нет.

— А как кто?

Арсений Вирнгольд, королевский некромант, самый пугающий мужчина столицы, от общения с которым у меня душа уходила в пятки, произнес ровным голосом:

— Как моя жена.

Глава 2. Предложение, от которого невозможно отказаться

Я несколько раз моргнула, подозревая, что от перенапряжения у меня начались галлюцинации. Какая досада.

— Простите, — сказала я, чувствуя, как голос дрожит. — Видимо, наручники нарушили не только кровоток, но и слух. Вы действительно предложили мне стать вашей женой?

— Да, — ответил Вирнгольд.

Я коротко рассмеялась, надеясь, что это такая несмешная шутка. Ну, от колдунов, ежедневно видящих смерть, и не ждешь особо забавных юморесок. Они все со странностями.

— Какой богатый у меня выбор. Лишение дара или замужество за некромантом. Простите, лорд Вирнгольд. Я не стану вашей женой.

— Что ж, вы имеете право отказаться.

— Благодарю за предложение.

— В таком случае завтра ваше дело уйдет в судебную коллегия, — продолжил он тем же ровным голосом. — Мое заключение примут к сведению, но оно не снимет с вас обвинений. Максимум — заставит судей решить, что вы варили Могильник не одна. А это значит, на допросах из вас будут выбивать имя подельника. Брак со мной — не наказание для вас, а отсрочка казни.

Конечно, я слышала, что Управление уже несколько лет пытается женить Вирнгольда. Безуспешно. Ни одна женщина не выдерживала дольше трех дней наедине с будущим мужем.

Одна сбежала босиком прямо по снегу, и отыскиали ее только через десятки километров от особняка Вирнгольдов. Другая захворала, да так тяжело, что лекари советовали ей уехать в теплые края до конца жизни. Что она и сделала. Третья подала прошение в монастырь, хотя до помолвки с некромантом славилась попойками с гвардейцами и носила глубокое декольте.

А четвертая

Про четвертую говорили меньше всего. Только то, что она и не сбежала, и не заболела.

Она просто не дожидая до свадьбы.

В общем, брак с Арсением Вирнгольдом был в прямом смысле непредсказуемым и убийственным начинанием.

Некромант побарабанил пальцами по протоколу.

— Управление не станет ждать, если вы останетесь Мирославой Альер. Но если вы станете моей супругой, вступит в силу старый закон о брачном поручительстве колдуна высшей категории. Слышали о таком? Нет? В общем, если супругу принял род колдуна, то её нельзя просто лишать дара.

Я через силу выдохнула, пытаясь разложить услышанное по полкам, хотя полки внутри меня, кажется, давно рухнули вместе с содержимым.

— Потому что лишение дара может затронуть магию всего рода?

— Именно. Любое насильственное вмешательство Управление должно будет признать нападением на мой род. Исключение — если я сам разорву брак.

— Но вы брак не разорвете?..

Он посмотрел на меня так, будто я спросила, не собирается ли он между делом утопить котенка.

— Нет.

— Откуда мне знать?

— Ниоткуда, — пожал плечами Арсений. — Кроме моего слова, у вас сейчас ничего нет.

Прозвучало тоскливо. Арсений не пытался изобразить, что делает это ради благородства и моих прекрасных глаз. Мне вообще показалось, что его отношение к браку довольно циничное.

Потому и возник резонный вопрос: а ему-то оно зачем надо? Ему какой прок от женитьбы со мной, такой замечательной? Денег у меня нет, лавка пустяковая.

Я нервно поднялась со стула. Наручники на запястьях тут же напомнили о себе, потяжелев. Вот так мой драматический порыв оказался на коротком поводке.

— Значит, если я правильно понимаю, вы предлагаете мне отсрочку от наказания и шанс доказать свою невиновность?

— Вы понимаете верно.

— А зачем брак нужен вам?

На этот раз в уголках его губ мелькнуло что-то похожее на улыбку. Крошечное, быстро исчезнувшее, оно особенно сильно выбивалось из его мрачной неподвижности.

Я не должна была замечать ничего человеческого в мужчине, который предлагал мне брак как юридическую лазейку. Мне полагалось видеть в нем что угодно: угрозу, голый расчет — но никак не залегшую усталость в глубине глаз и не то, как Арсений улыбается.

— Управление требует, чтобы я вступил в брачный союз до конца суток, — продолжил Арсений равнодушно, хотя я почувствовала в его голосе раздражение. — Им не дает покоя, что я живу в свое удовольствие, не обремененный никакими обязательствами.

— Но почему вам дали всего сутки?

— Мне дали много больше суток, — некромант откинулся в кресле. — Просто я не шел на поводу у желаний Управления. Теперь же выбора нет, ультиматум поставлен. А тут появились вы. И я подумал: почему бы и нет. Вам нужна моя помощь, мне — супруга, которая согласится выйти замуж этим же вечером.

У меня голова начала идти кругом. Нет, я, безусловно, подозревала, что в Управлении все консервативны, холостых никто не любит.

Но из вредности жениться на первой встречной — несколько неосмотрительно. Хотя кто этих некромантов разберет.

— Наш брак будет чисто фиктивным, — подытожил Арсений. — Но наличие супруги даст мне отсрочку, а вам — защиту от лишения дара.

— Как именно Управление хочет вас ограничить в случае отказа?

— Вам перечислить? — Некромант недобро ухмыльнулся. — Что ж, например, ослабить магические силы, отстранить от посмертных дел, лишить должности главы Некромантского крыла. Забрать часть архивов под «временный надзор». Возможно, даже объявить меня опасным одиночкой, который не подчиняется требованиям безопасности.

— То есть я нужна, чтобы сохранить вашу магию.

— Да.

— А вы нужны, чтобы сохранить мою.

— Вы удивительно проницательны.

Я не хотела улыбаться. Подозреваемая в варке Могильника не должна улыбаться некроманту, который предлагает ей стать женой. Это вредит образу трагической жертвы судебной ошибки.

Но губы предательски дрогнули.

Вирнгольд заметил, однако никак не прокомментировал. Просто посмотрел чуть мягче.

В сущности, был ли у меня выбор? Я небогата, у меня нет покровителей или того, кто заплатил бы залог, чтобы хоть как-то отсрочить мою судьбу.

— У меня будут условия, — решила я.

— Слушаю.

— Никакого исполнения супружеского долга. И это должно быть прямо прописано в контракте, а не подразумеваться вашим благородным кивком.

— Так и запишем.

— Никаких ваших жутких ритуалов... без моего согласия.

— Я и не собирался ничего проводить, если честно. Но меня радует, что вы допускаете согласие.

— А еще отдельная спальня. Нормальная. Без гроба или в чем там вы спите.

Вирнгольд изумленно поморгал, словно мое требование ввело его в настоящий тупик.

— Мы спим на кроватях

— И главное, — закончила я, заставив себя вернуться к самому важному. — Вы расследуете мое дело по-настоящему. Пообещайте найти того, кто подложил этот чертов флакон. И накажите его.

Арсений поднялся и протянул мне руку.

— Клянусь, что найду и накажу, — твердо ответил он, и я быстро пожала его ладонь.

И тут до нас донесся стук каблуков по каменному полу. В дверь постучали.

— Милорд, простите, что отвлекаю, — В кабинет заглянула женщина-секретарь. — Следственный отдел запрашивает предварительное заключение.

Арсений не отвел от меня взгляда.

— Будет подготовлено через полчаса. Скажите им, что дело сложнее, чем выглядит на первый взгляд.

— Поняла. Также прибыл курьер от магистра Белира. На письме пометка «Ответ требуется незамедлительно».

— Я ознакомлюсь позднее.

— Хорошо, милорд.

Женщина осторожно прикрыла дверь, и каблуки вновь застучали по полу.

Арсений взял чистый лист бумаги из стопки с краю стола, положил его передо мной и придвинул чернильницу.

— Брачное поручительство можно оформить немедленно. Сам обряд проведем сегодня вечером, в присутствии представителя Управления.

Я глянула на пустой лист так, будто в нем крылась причина всех бед. Стоит вписать туда имя — и моя жизнь сделает кувырок. Я соглашусь породниться с Вирнгольдами. Стану зависима от Арсения.

Если честно, страшно до одури. Мурашки ползут по коже.

— А что будет, когда вы расследуете моё дело? — засомневалась я. — Если мы разведемся, Управление продолжит донимать вас.

Вирнгольд глянул так спокойно, будто обсуждалась не моя жизнь и не его работа, а поставка свечей в служебный морг.

— Если мы женимся до полуночи, то требования будут соблюдены, и претензий ко мне быть не может. Что, люди не разводятся? Всякое случается. Может, у меня характер настолько дурной, что вы сбежали без оглядки. Я выставлю наш развод таким образом, чтобы от меня отстали раз и навсегда.

— Значит, вы не будете мешать мне уйти, когда закончите с Могильником?

— Не буду.

Я взяла перо и окунула его в чернила.

Глава 3. Некромантищет невесту

Арсений

Управление подослало ко мне Виктора Белира за час до того, как в Некромантское крыло привели Мирославу Альер. Точнее — он сам ко мне пожаловал на правах главы Надзорного отдела.

Магистр вошел в мой кабинет без приглашения и стука.

Формально он имел право. Надзорный отдел стоял над всеми остальными. Но вообще-то каждый в городе знал, что я не терплю незваных визитеров, да ещё и таких наглых.

С Белиром нас давно связывала непримиримая вражда. Еще с тех времен, когда совет при Управлении выбрал меня главой некромантов. Из десяти магистров девять проголосовало «за». Белир — «против».

С тех пор он ставил мне палки в колеса при любом удобном случае.

— Лорд Вирнгольд, — произнес он мягко. — Надеюсь, я не отвлек вас от чего-то важного?

На столе передо мной лежало три протокола посмертных вызовов, прошение об упокоении умертвия и заключение по телу, которое пыталось встать без разрешения уже второй раз за неделю. На мой вкус, всё это было куда важнее визита Белира.

Но Надзорный отдел редко интересовался моим мнением.

— Если я скажу «да», вы уйдете? — лениво спросил я.

Виктор Белир неприятно улыбнулся, обнажив белоснежные, выбеленные зубы.

Магистр был немолод, но выглядел безупречно.

Высокий, сухой, с прямой спиной и неторопливыми движениями, он производил впечатление не старика, а мужчины, который не умеет стареть. Седые волосы он всегда зачесывал назад. Лицо — узкое, благородное, с тонкими губами и аккуратной бородкой. Глаза у Белира светлые, почти прозрачные, холодного серо-зеленого оттенка; в них нет ни злобы, ни раздражения. Только внимательная вежливость человека, который привык смотреть на людей как на документы: одни можно подписать, другие — отложить, третьи — уничтожить за ненадобностью.

— Боюсь, разговор не терпит отлагательств. Дело в вашем брачном обязательстве перед Управлением, лорд Вирнгольд.

Я со вздохом отложил перо.

Управление в лице Белира несколько месяцев обкладывало меня со всех сторон, как охотники обкладывают волка красными флажками. Я обязан жениться, а еще, желательно, поскорее заделать наследников. Неженатый глава вызывает подозрения.

Какая благородная и мерзкая формулировка, если вдуматься.

На деле Белир хотел не моего семейного благополучия, а иметь надо мной власть. Поставить рядом человека, которого проще шантажировать, подкупить или напугать. Сделать меня зависимым от жены или детей.

Не вышло.

Женщины, которых мне с невиданным упорством присылали, отказывались одна за другой.

Некоторые — после разговора со мной или знакомства с моими родственниками. Другие — еще на этапе слухов.

Я не винил их и сам способствовал тому, чтобы сплетни обо мне ширились. Пришлось даже «умертвить» одну из моих невест, чтобы остальным было страшнее со мной связываться.

Та девушка получила настолько щедрые отступные, что с радостью сменила имя и уехала на другой конец страны, а я показательно оплакал невесту и получил еще несколько месяцев передышки.

— Управление сократило сроки на поиск супруги, — сказал Белир. — До полуночи вы должны пройти брачный обряд. Иначе завтра утром ваши полномочия будут ограничены.

— Разве мне были поставлены столь ограниченные сроки? — Я изогнул бровь.

— Увы, магистрам пришлось пойти на крайние меры. Ввиду вашего отказа представить подходящую кандидатуру добровольно, решение вступает в силу немедленно.

Слова Белира «ввиду отказа» следовало читать как: «Я нашел предлог, чтобы взять вас за причинное место, и убедил остальных пойти у меня на поводу».

Что за мерзкий старикашка.

— То есть я и раньше не мог найти женщину, достаточно отчаянную или глупую, чтобы переступить порог дома Вирнгольдов. А теперь вы даете мне меньше суток, чтобы сделать ее своей женой?

Белир развел руками.

— Вы слишком строги к себе. Уверен, найдутся дамы, способные оценить вашу редкую природу.

— Последняя дама, которую Управление сочло способной, притворилась мертвой и выехала из дома в катафалке.

Белир пришел насладиться моим поражением. Он понимал, что я физически не успею найти никого до полуночи. Я сам себя загнал в яму, отпугивая всех невест еще на подлете.

Наверняка, у него уже готов приказ об ограничении моих полномочий и о передаче архивов моего дома под надзор. С должности меня снимут прямо в полночь, даже не сомневаюсь.

— Вы можете попытаться обжаловать наше решение, — Белир вздохнул так, словно искренне мне сопереживал. — К тому же, лорд Вирнгольд, вам необязательно быть некромантом. В стране хватает и другой работы.

— Разумеется.

— Мне жаль, что обстоятельства складываются столь жестко. Но выбора нет. До свидания, лорд Вирнгольд.

Он ушел, оставив после себя удушливый сладкий запах.

На уведомлении стояли все подписи, однако сама формулировка казалась старомодной. Так витиевато нынче и не пишут. Где-то я уже встречал эти слова. Вроде бы в одном из древних уложений, которые давно не применялись на практике. Но сейчас времени на поиски не оставалось. До полуночи мне требовалось найти жену, а уже потом можно было разбираться, из какой могилы Белир выкопал это правило.

Я прикрыл веки.

Да уж, приплыли.

Я был невыгоден Белиру. Слишком хорошо знал, как пишутся законы, и не терпел, когда их трактовали в угоду отдельным людям. Последний Вирнгольд, королевский некромант с доступом к посмертным архивам и тайнам, которые Белир предпочел бы похоронить глубже собственных грехов, — плохой глава Некромантского крыла. Негибкий. Меня нельзя просто убрать. Нельзя подкупить. Оставалось одно — обложить выдуманными правилами, назвать это заботой о безопасности и ждать, когда я сам шагну в приготовленную петлю.

Я мог бы подписать отказ и на следующее утро лишиться доступа к своим делам. Мог попытаться оспорить решение — и проиграть, потому что пойду против магистров. Мог жениться на первой женщине, которая согласится.

Список таких женщин был удручающе пуст.

Я почти решился зайти в ближайшие бордели и попытаться отыскать невесту там, когда в дверь постучали.

— Простите, милорд, — моя секретарь заглянула в кабинет. — Стража доставила срочное дело по Могильнику. Подозреваемая — бытовая зельеварка Мирослава Альтер. Вы сможете проработать вопрос незамедлительно? Там вроде бы ничего серьезного, просто провести экспертизу и подписать бумаги.

Я глянул на настенные часы. До обеда оставалось еще полтора часа.

— Всё сделаю. Пусть ведут подозреваемую.

Как назло, все мои эксперты либо отсутствовали в здании, либо разбирались с неотложными заданиями. Вот и пришлось заняться такой мелочью самому. Ну, я не гнушался текучкой.

Через несколько минут капитан Берн ввел в кабинет девушку, скованную наручниками.

Мирослава Альтер не походила на преступницу, сварившую запрещенное зелье. Хорошенькая. Темные волосы выбились из косы, лицо казалось бледным из-за страха и злости, зато глаза — большие, карие — смотрели внимательно. Черты лица у нее мягкие, не аристократически выточенные, но выразительные: упрямый подбородок, нервно сжатые губы. Между бровями залегла складка. На подоле простого платья осталась травяная пыль, руки пахли пылью, и во всем ее облике было что-то, что противоречило обвинению в тяжком преступлении.

Впрочем, преступники вообще редко старались чему-то соответствовать. Некоторые выглядели как добрые дедушки, некоторые — как испуганные дети, а один серийный отравитель, которого я допрашивал прошлой весной, пёк булочки с повидлом и плакал над любовными романами.

Но в Мирославе не было следа той внутренней пустоты, которую оставляет работа с посмертными составами. Усталость, обида, едва удерживаемая паника — всё присутствовало. А вот привычки смотреть в суть зелья не было.

Передо мной стояла не варщица Могильника.

Мелкая бытовая зельеварка могла сварганить сироп от кашля или сварить несложный приворот. Но Могильник такого класса — точно нет.

Берн ждал заключения. Ну да, для него это плевое дело, минутная забота. Подмахнул заключение — и свободен.

А вот Мирослава глядела на меня затравленным зверьком: попытайся тронуть — укусит за палец.

— Оставьте нас, — приказал я.

Капитан Берн попытался поспорить, но быстро сдался. Вскоре за ним и его помощником закрылась дверь.

Тогда Мирослава подняла подбородок. Она боялась. Но страх не сделал ее покорной. Только обострил черты лица, зажег злость в глазах и заставил держаться строже.

Я мог бы просто выдать заключение, отдать ее обратно Берну и позволить делу идти своим чередом. Так было бы проще.

Но Белир собирался загнать меня в угол и был уверен, что я не найду никого, кто согласится войти в семью Вирнгольдов добровольно.

Что ж.

Передо мной сидела женщина, которой тоже не оставили выбора.

Белир хотел приличную супругу, чтобы доказать мою управляемость и семейную благонадежность? Что ж. Он получит желаемое. Зельеварку, подозреваемую в варке опасного зелья.

Самое то для совместной жизни с некромантом.

Выслушав мои страшилки, девица побледнела, но не сдалась, не забилась в угол, рыдая и моля о пощаде.

Очень хорошо.

Сломленная женщина мне не подходила. Она не выдержит и суток в доме, не говоря уже о моей специфичной родне.

До полуночи оставалось меньше двенадцати часов.

Белир, должно быть, уже представлял, как подпишет приказ об ограничении моей магии. Где-то в архиве уже освобождали полки для документов, которые собирались забрать у Вирнгольдов.

Я даже пожалел, что не увижу лицо Белира, когда ему сообщат имя моей невесты.

Условия оказались разумными. Никаких супружеских обязанностей. Никаких ритуалов без объяснений. Отдельная комната. По возможности — без гроба.

Последнее даже обидело.

Я никогда не селил гостей в гробах. Один раз кузен по материнской линии заснул в усыпальнице по собственной вине, но семейные истории вообще не стоит пересказывать без контекста.

Мирослава подписала документ, а я подумал, как все-таки ошибся Белир, ограничивая меня во времени.

Он решил, что загнал меня в угол.

На самом деле, я получил шанс.

Глава 4. Родственники идут в комплекте с женихом

На дверце личного экипажа темнел герб Вирнгольдов: серебряная ветвь, обвитая черной лентой. Ветвь выглядела сухой, лента — траурной, а весь герб, в целом, будто сообщал прохожим, что в повозке едет человек с непростыми семейными традициями.

И теперь этот человек был моим женихом и без пяти минут мужем.

Никаких вещей при мне не было, кроме платья и туфель, разумеется.

Наручники с запястьев сняли после оформления брачного поручительства, но ощущение поводка никуда не делось. В Управлении, куда мы заехали с Арсением, выдали бумагу о помолвке, сухо поздравили с «изменением статуса» и сообщили, что мои вещи из лавки будут доставлены сразу же после описи.

То есть сначала чужие люди еще раз перетряхнут мои юбки с блузками, покопаются в белье, перебьют склянки. А потом отправят всё это добро в поместье Вирнгольдов. Вряд ли аккуратно уложенное, скорее — накиданное абы как.

Арсений сидел напротив.

В черном костюме, весь такой пасмурный, словно на него выпала месячная норма осадков. Он почти не разговаривал со мной. Не утешал. Не поздравлял с семейным счастьем язвительным тоном. В общем, пока новый супруг меня не донимал. И на том спасибо.

— Вещи доставят к вечеру, — сказал он, будто услышал мои мысли. — По описи, но без изъятия личного.

— Какая щедрость со стороны Управления. Даже трусы не конфискуют как соучастника преступления?

— Если в трусах не припрятана пепельная астра, то не должны.

Я зыркнула на него, но Арсений безразлично созерцал вид за окном.

— Это была шутка?

— А что, не удалась?

— Не бросайте службу ради сцены, лорд Вирнгольд. Публика может не пережить ваших анекдотов.

— Арсений, — поправил он.

Я сжала пальцы в кулаки и судорожно выдохнула.

Да, формально мы можем обращаться друг к другу по именам. На бумаге я скоро стану Мирославой Вирнгольд. Но имя мужа все еще казалось чем-то чужим, не предназначенным для бытового употребления.

— Арсений, — повторила я осторожно. — Допустим, вещи привезут. А что будет с моей лавкой?

— Её опечатают до окончания расследования. Я подам требование, чтобы порченный товар компенсировали в денежном эквиваленте.

— И что, компенсация будет?

— Сомневаюсь. Скорее всего, спишут на обстоятельства непреодолимой силы.

Он произнес это ровным, безразличным тоном.

Я снова ощутила глухое раздражение. Не на Арсения, он-то как раз не виноват, что стражники легкомысленно относятся к своим обязанностям и не мелочатся с вещами подозреваемых, даже если те оказываются невестами некромантов. Но в целом, на ситуацию.

Я как будто угодила в капкан. Это бесило неимоверно.

Экипаж свернул в северный квартал.

Дома здесь стояли дальше друг от друга, чем в моем районе, и это придавало улицам ощущение пустоты. За коваными оградами мокли сады, на фасадах темнел плющ, окна дорогих особняков смотрели на проезжую часть высокомерно. Даже прохожие встречались редко, а те,

что попадались, при виде герба на дверце экипажа или отворачивались, или начинали идти быстрее.

— Люди вас боятся, — заметила я.

— Угу.

— И вас это не беспокоит?

— В умеренных дозах страх полезен. Меньше задают неуместных вопросов.

Ну, не поспоришь.

Особняк Вирнгольдов оказался нормальным.

Я ожидала какого-то кошмара: башню из черепов или там окон, выкрашенных в черный цвет. Ну, хотя бы фамильный склеп у ворот и табличку «Всяк сюда входящий помрет в муках». Вместо этого за высокой оградой стоял двухэтажный дом из темного камня, строгий, вытянутый, с белыми колоннами у входа и широкими окнами, в которых отражалось бледное небо после дождя. По стенам полз плющ. В саду цвели поздние розы.

Дом с многовековой историей.

Арсений вышел первым и по-джентльменски подал мне ладонь, чтобы помочь спуститься.

— Это обязательно? — вздохнула я.

— Нет. Но дорога скользкая после дождя, и если вы рухнете на землю, это создаст моей родне богатую почву для обсуждения.

— Родне? Вы живете с родственниками?

— Можно и так сказать.

Я приняла его руку. Неожиданно пальцы Арсения оказались теплыми, а касание приятным. Странное дело, но мне не хотелось отпускать его первой.

Этот секундный порыв вызвал раздражение на саму себя. Нечего лапать некроманта, Мирослава.

Дверь особняка открылась раньше, чем мы поднялись по ступеням.

На пороге высился скелет. Да-да, человеческий скелет в черном фраке и белых перчатках. С серебряным подносом, на котором лежали две запечатанные бумаги, маленькая вазочка с мятными леденцами и, почему-то, букетик лаванды.

Я нервно сглотнула.

Все городские слухи разом стали гораздо убедительнее.

— Добрый день, — сказал скелет приятным бархатным голосом. — Миледи, рад приветствовать вас в доме Вирнгольдов. Хотите леденец? Поговаривают, мята помогает при головокружениях и спутанности сознания.

Я повернулась к Арсению и испуганно шепнула:

— Он разговаривает

— А как иначе. Господин Филипп говорит на четырех языках, ведет хозяйственные книги и разбирается в наследственном праве. При жизни он был толковым юристом, если на то пошло.

Скелет с протяжным скрипом поклонился.

— Миледи может называть меня просто Филиппом. А как я могу обращаться к вам?

Я открыла рот и забыла его закрыть. Столь глубока была степень моего удивления. Но леденец всё-таки цапнула.

— Мирослава, — подсказал Арсений и вновь обратился ко мне: — Филипп служил моему прадеду еще при жизни. Ну а после смерти остался дворецким.

— Потому что так любит вашу семью? — спросила, разворачивая фантик.

— Потому что проиграл прадеду в карты жалованье за триста лет вперед, — ответил Филипп. — Я намерен отдать всё до последней монеты, даже если для этого потребуются пережить еще трех Вирнгольдов.

— А-а-а, понятно.

Он вытянул руку в белой перчатке, и я нерешительно пожалала ее.

Ладонь под тканью была непривычно твердой. Неприятно — да. Но ничего такого уж жуткого. Кости и кости.

— Миледи Мирослава держится лучше предыдущих кандидаток, — заметил скелет.

— Филипп, не стоит, — предупредил Арсений.

— Я всего лишь констатирую факт. Леди Жанна продержалась до знакомства. Леди Ирэн упала в обморок на словах «добрый день». А леди Виктория не дождалась приветствия, потому что увидела меня в окно экипажа и попросила возницу разворачиваться.

— Смотрите-ка, оказывается, скелет-дворецкий здорово экономит время при отборе невест, — хмыкнула я.

Филипп издал звук, подозрительно похожий на довольный смешок. А Арсений посмотрел на меня дольше обычного, и я даже немного смутилась под его настойчивым взглядом.

— Пойдем, — сказал мой почти что муж. — Родня нас ожидает.

— Вы не представляете, насколько, — хихикнул скелет. — Они ставки ставят, дотерпят ли Мирослава до ужина.

Холл особняка оказался высоким и светлым, несмотря на темное дерево панелей. Но магических светильников хватало с лихвой. По стенам тянулись портреты, в нишах стояли мраморные бюсты.

И всё бы ничего, холл как холл.

Только вот портреты рассматривали меня. Вполне осмысленно. Седой мужчина в старинном камзоле вдруг сдвинул брови. Женщина в темно-фиолетовом платье наклонила голову. Мальчик лет двенадцати перестал улыбаться яблоку в руке и уставился на Арсения с осуждением, словно говоря: «Не мог найти кого получше?»

Я остановилась в центре холла и потерла глаза кулаками. Мне что, чудится?..

Парадный портрет пожилой дамы в кружевном чепце шевельнулся. Губы её округлились, лицо расплылось в довольной улыбке.

— Неужто это случилось?! — ахнула она. — Счастье-то какое! Будущая женушка пожаловала! Арсений, мальчик мой, если бы ты тянул и дальше, я бы велела Филиппу привезти тебе невесту в мешке.

— Бабушка Агата, успокойте свой бурный нрав, — спокойно произнес Арсений. — Напоминаю, похищение невест незаконно уже лет как двести.

— Поэтому я и дожидалась, когда ты сам созреешь.

— Мирослава, это моя родня, — мужчина указал на многочисленные живые портреты. — Не переживай, они активны только в общих помещениях особняка. В личные покои им ход закрыт.

Хотелось бы мне сказать, что это хорошая новость. Но, по правде, само наличие призраков предков вызывало во мне панический озноб. Я протерла глаза и, убедившись, что бабушка действительно «живая», сказала:

— Добрый день.

— Какая вежливая! — обрадовалась женщина в чепце. — И не визжит. Уже лучше тех фарфоровых недоразумений, которых приезжали раньше.

Из соседнего портрета хмыкнул седой мужчина с военной выправкой.

— Худосочная что-то.

— Прадед, ты опять за свое? — вздохнул Арсений и добавил, обратившись ко мне: — Он всегда любил дам при формах.

— Конечно же, — согласился седовласый. — Ну а чего ты хотел? Коль за кости решу похвастаться, то Филиппа приглашу.

И рассмеялся, довольный своей шуткой. Я почему-то тоже хихикнула, наверное, от нервов и невероятности всего происходящего.

Нет, я подозревала, что некроманты особенно близки со смертью. Но ожившие портреты меня изумили до глубины души.

Бабушка Агата расплылась в улыбке.

— Смотри-ка, ей нравятся наши шутки. Это замечательно! Девочки без чувства юмора быстро сбегают. А у этой есть шанс задержаться.

В общем, скоро я познакомилась с богатой родословной Арсения.

Бабушка Агата Вирнгольд — пра-пра-пра-прабабка Арсения, умерла сто двадцать лет назад, не дожив до столетия каких-то шесть годков. Генерал Даниэль Вирнгольд — прадед, погиб на очередной дуэли. Звучало трагично, но он был тот еще любитель эти дуэли назначать и победил в предыдущих семидесяти.

Оказалось, далеко не все портреты разговорчивы. Только самые сильные некроманты рода умудрились сохранить характер даже после смерти. Но остальные, тетки и дядьки, бабушки и дедушки — все взирали на нас с любопытством и лукаво переглядывались.

— Надеюсь, я вас не испугала? — вздохнула старушка-Агата. — Меня изобразили на редкость удручающим образом. Лицо всё в морщинах, чепец этот дурацкий. А платье? Что за унылый серо-голубой оттенок?

— Вы прекрасно выглядите, — не согласилась я.

Дама просияла.

— Сенюшка, твоя невеста — чудо. Не позволяй ей сбежать.

Я поймала себя на том, что глуповато улыбаюсь.

Потом из боковой двери вышла женщина лет пятидесяти в строгом сером платье. Обычная женщина, вполне нормальная, без изюминки.

— Госпожа Марта Лоэн, экономка, — представил Арсений. — Живая.

— До поры, до времени, — ехидно добавил генерал Даниэль.

Марта даже не взглянула в его сторону.

— Если генерал еще раз прокомментирует мое здоровье, я самолично протру его портрет растворителем краски.

Старикан возмущенно фыркнул и заткнулся.

Я почувствовала к Марте мгновенное уважение.

— Миледи, — сказала экономка, чуть склонив голову. — Комната для вас подготовлена. Я разберу ваши вещи, как только их доставят.

— Спасибо.

— Если пожелаете чай или сладости, Филипп подаст всё в спальню. Ах да, не верьте его байкам о кончине. Он преувеличивает в угоду художественности.

— Ты-то откуда знаешь, смертная, как именно я скончался? — оскорбился дворецкий.

— Догадываюсь, что не в морской пучине.

— Ну, допустим, не в морской, — тотчас согласился скелет. — Но дела это не меняет!

Арсений тяжело вздохнул. Да уж, сомнительный домашний уют: экономка спорит со скелетом, а портреты обсуждают твою жену так, будто она лошадь на ярмарке.

— Есть еще кто-то, с кем мне стоит познакомиться? — поинтересовалась я.

В голове уже смешались имена и титулы. Явно потом придется заучивать родовое древо некромантов, чтобы по чистой случайности никого не обидеть.

— Морок, — позвал Арсений.

Словно по сигналу, с верхней ступеньки спустился огромный черный кот. Нет, не спустился. Снизолет до нас, как снисходят боги.

Он был лоснящийся, пухлый, с ярко-желтыми глазами. Кот остановился на середине лестницы и посмотрел на меня так, будто я ему заранее не понравилась.

— Знакомься, наша фамильная гордость, — насмешливо представил кота Арсений. — Восемь килограммов чистой наглости.

Морок неторопливо зевнул, а затем таки спустился, обошел меня кругом и, понюхав край платья, сел прямо перед моими ногами.

— Ну, привет, — я склонилась к коту.

Морок поднял лапу и наступил на мой подол. И зашипел, словно приказывал убираться куда подальше. Так, только негативно настроенного хвостатого мне не хватало для полного счастья.

— Чем тебя можно подкупить, дружочек? Сардельки, мясной паштет? Или ты на диете?

Кот внезапно боднул мою ладонь головой.

Бабуля Агата из портрета прикрыла ладонью рот.

— Что не так? — напряглась я.

— Ты ему нравишься! — рассмеялась она. — Значит, будешь жить в нашей семье долго и счастливо!

Ага, долго и счастливо до момента, как некромант разберется с моим делом и даст развод. Но деталей я решила не сообщать. Неизвестно, как много правды открыл Арсений родне о нашем браке. Вдруг те считают, что у нас всё по любви?

Арсений закатил глаза. Ему явно не понравилось, что кот имеет право на оценку его невесты, фиктивной или нет.

— Морок не показатель.

— Еще какой показатель, — поспорила бабушка Агата. — Кстати, девочка мне тоже нравится. Она такая миленькая. Прямо как я сама, в день своей первой свадьбы.

Наверное, в этот дом давно не приходил кто-то новый. А главное — не приходил добровольно. Именно поэтому мертвая родня Арсения так живо обрадовалась мне. Я вызывала у них любопытство и казалась неплохой партией для наследника.

Зельеварка без особых знаний и, возможно, самая глупая женщина столицы, потому как согласилась на предложение некроманта. Была. Желанной. Гостьей.

В голове не укладывалось.

— Марта проводит вас в спальню, — сказал Арсений. — Отдохните. Вечером прибудет Белир для проведения брачного обряда. Он хотел лично присутствовать.

Меня провожали с улыбками и нахваливали на разные лады. Даже генерал Даниэль буркнул что-то одобрителное про «хоть и тощая, но чую: плодовитая».

Арсений тоже задержал на мне оценивающий взгляд. Как будто его удивляла моя реакция на семейку. По-хорошему я должна была лишиться чувств и тотчас сбежать, а вместо того попрощалась с родственничками и пожелала им доброго вечера.

Ну а что, перед вами культурная девушка.

Да и, по правде, призраки на портретах волновали меня меньше всего. Хватало земных проблем.

Марта жестом пригласила пройти за собой по лестнице. На третьей ступени Морок догнал нас и засеменил рядом, задрал хвост.

Снизу донесся голос бабушки Агаты:

— Сеня, мальчик мой, она даже не упала в обморок. А еще руку Филиппу пожала. Управление точно будет в ужасе.

— На это и расчет, — хмыкнул Арсений.

Я остановилась на мгновение.

Расчет.

Значит, они тоже всё знают. Для них не секрет, кто я такая. Всего лишь выгодная фиктивная партия для того, чтобы обмануть Управление с их глупыми требованиями.

Я поднялась еще на пару ступенек, не оборачиваясь. Ну и правильно. Пусть будет расчет. Так даже честнее. Я тоже согласилась не из нежности к его серым глазам и мрачному голосу, а потому что жить нормальной жизнью хотелось до одури.

Комната, которую мне выделили, оказалась в южном крыле дома. Просторная, светлая, с видом на розовый сад. Тут было всё самое нужное: кровать с резной спинкой, письменный стол, камин, несколько пустых шкафов в ожидании моих вещей. На туалетном столике стояла ваза с сухоцветами.

Не похоже на тюремную камеру.

Очень даже уютное временное убежище.

Марта не стала заходить внутрь.

— Если что-то понадобится, колокольчик на прикроватной тумбочке. Не стесняйтесь тревожить меня или Филиппа. Ах да, после полуночи по коридорам лучше не ходить без сопровождения лорда.

— Почему?..

Экономка посмотрела на меня так, словно я задала самый идиотский вопрос на свете.

— Потому что некоторые покойные родственники лорда Вирнгольда не понимают, что нехорошо пугать гостей дома до седых волос и заикания. К сожалению, уже были прецеденты.

Я кивнула.

— Запомню. А могу я кое о чем спросить?

— Безусловно.

— У Арсения ведь уже было как минимум четыре невесты? — начала я.

— Официально все шесть, но две даже не доехали до особняка.

— Ага, хорошо. Ну, то есть не очень хорошо. Но допустим. А что произошло с последней невестой?

Меня волновала судьба девушки, которая погибла в стенах этого дома. Вдруг она скончалась прямо на этой кровати?

— Это та дура, которая визжала как резаная свинья и обещала вызвать храмовника, чтобы изгнать беса из Филиппа? — припомнила экономка. — Вроде бы они с лордом заключили соглашение, по которому она изображает мертвую и навсегда покидает столицу, а он выплачивает ей солидные отступные. Но лучше уточните у господина.

Ах, вот как. Получается, никто в особняке не умирал? Может, и болезней не было, и вообще со всеми невестами Арсений расстался полюбовно?

С другой стороны, кто мешал экономке приукрасить реальность, чтобы у меня не возникло сомнений по поводу будущего мужа.

Марта исчезла в коридоре.

Я осталась одна, если не считать неугомонного кота.

Морок тут же запрыгнул на подоконник, сел спиной ко мне и принялся смотреть в сад с видом сурового стража. Где-то за стеной тихо звякнуло, потом приглушенно рассмеялся кто-то из Вирнгольдов. Неподалеку Филипп объяснял кому-то из портретов, что обсуждать бедра невесты Арсения в коридоре невежливо.

Я выдохнула.

Нужно продержаться какое-то время. Пустяки, если вдуматься. Ну, дом некроманта, ну, родня-мертвецы, скелет-дворецкий, а еще высокомерный кот и муж с изюминкой. С кем не бывает?

Я закрыла лицо руками. А потом все-таки, не выдержав, истерично рассмеялась.

Глава 5. Непаникуйте, госпожа Альер

К брачному обряду меня готовили в ускоренном режиме.

Всё началось и закончилось тем, что Марта принесла платье.

Не свадебное, слава всем живым и не очень. Просто темно-зеленое, закрытое, с длинными рукавами и тонкой вышивкой по вороту. Платье оказалось новым. К счастью. А то я бы не удивилась, реши они меня выдать замуж в чем-нибудь посмертном одеянии.

— Купила под ваш размер в лавке, — объяснила экономка. — Пусть событие и внезапное, но хочется, чтобы вы сияли.

— Спасибо, — ответила я и не узнала собственный голос.

Усталый. Бесцветный. Будто за день я успела прожить несколько жизней. Если часом ранее меня еще переполняла энергия, и казалось, что нет ничего невозможного. То теперь пришло осмысление того, куда я вляпалась. Брак с жутковатым типом — последнее, о чем я мечтала. Еще и лавки лишилась на неопределенный срок. Что в моем бизнесе равносильно разорению, ибо травы пропадут, составы испортятся.

— Жаль, что ваши родственники не смогут нас посетить, — сказала экономка, поправляя платье на мне.

Ну да, она спрашивала, стоит ли вызвать для них экипаж. Но я рассудила, что отцу с матерью незачем знать о фиктивном браке с Арсением. Они живут в другом городе и приехать всё равно бы не смогли. Зато разволнуются и от масштаба события, и от личности виновника. Не скажешь им ведь, что брак этот понарошку. Вдруг где выболтают правду, а у Арсения будут проблемы с Управлением.

Поэтому пусть моя семья пребывает в счастливом неведении. Вот разведемся, тогда и скажу, мол, попытались жить дружно, а не вышло, не быть зельеварке с некромантом.

— Родни Арсения хватит с лихвой, — попыталась отшутиться я.

Марта встретила со мной нечитаемым взглядом в зеркале. Осуждала, что ли?

— Если хотите, можно добавить брошь, — предложила она. — Будет выглядеть изящно.

— Давайте.

Экономка приколотла к вороту небольшую серебряную ветвь — герб Вирнгольдов. Впрочем, ну а чего я ожидала? Какой-то красивой безделушки?

Символично.

Я вышла из комнаты с тяжким ощущением, что влипаю в какую-то глубокую передрыгу.

В коридоре меня дожидался Филипп, в парадном фраке, разумеется. Череп его был отполирован до такого благородного блеска, что я невольно подумала: это ж сколько бедолага ждал свадьбу хозяина-то, что даже облагородил себя?

— Миледи, — произнес он и поклонился. — Позвольте проводить вас.

Когда мы спускались по лестнице, родственники выдавали свои бесценные замечания. Кто-то советовал мне не сутулиться, другие предлагали отрезать рукава у платья и углубить декольте.

— Ты не волнуйся, деточка, а то на тебе лица нет. Всё хорошо будет, — шепнула бабушка Агата из ближайшей рамы, куда она каким-то мистическим образом перебралась, хотя, клянусь, раньше там было изображение какого-то натюрморта.

— Бабушка, — раздался снизу голос Арсения, — если вы сейчас начнете обсуждать одежду, фигуру или потенциальных наследников, ваш портрет проведет церемонию в кладовой.

— У моего любимого внука отвратительное настроение, — сообщила мне Агата. — Не обращай внимания, дорогая. Он нервничает. Как-никак, первая женитьба.

— Будем верить, не последняя, — хмыкнула я, но старушка моей шутки не оценила и покачала указательным пальцем.

Нужный зал находился на первом этаже, в задней части дома. Дневной свет падал сверху холодными полосами, ложился на каменный пол, на длинный стол у дальней стены, где уже лежали брачная книга и вазочка с двумя кольцами разного размера. Мужское и женское. На стенах висели портреты. Много портретов.

Арсений стоял у самого входа, дожидаясь меня.

Выглядел он прекрасно. Темные одежды оттеняли светлую кожу. Волосы были уложены. На лице — ни капли волнения. Я невольно залюбовалась им и подумала, что в другой бы ситуации радовалась такому шикарному жениху.

Но он не выглядел счастливым будущим мужем. Скорее человеком, который пришел на собственные похороны.

Что ж, я тоже не походила на нормальную невесту.

Значит, мы хотя бы соответствовали друг другу.

Рядом с ним стояли двое представителей Управления. Маленький сухой регистратор с красными ушами над чем-то глуповато хихикал. А чуть позади, спокойный и неприятный, высился магистр Виктор Белир.

Человек, чье имя вызывало страх у простых колдунов. Он был требователен к исполнению законов и жесток за любоеслушание. Поговаривают, ранее он негласно руководил судебной коллегией, и приказы за его подписью поставили крест на сотнях колдунов. Теперь вот официально возглавил Надзорный отдел.

Короче говоря, мне он заочно не нравился. Причем чрезвычайно.

— Госпожа Вирнгольд, рад познакомиться с вами, — растянул Белир жабы губки в улыбке.

— Пока еще Альер, — сухо ответила я.

— Разумеется. Прошу простить мою поспешность. Признаться, я был обескуражен тем фактом, что еще утром ваш жених даже не знал вашего имени, а вечером вы уже женитесь.

— Ваши выводы неверны, — улыбнулся Арсений. — Мы знакомы давно и встречаемся несколько месяцев. Просто мне не хотелось форсировать события, но когда вопрос коснулся свободы моей невесты как же я мог медлить? Правда, дорогая? — ласково позвал он и оказался возле меня.

Не пытаюсь схватить, лишь обозначаю: он на моей стороне, мы заодно.

Регистратор тихо кашлянул, напомнив, что он бы хотел поскорее закончить с торжественной частью и выпить за здоровье молодых. Если, конечно, молодые нальют.

Белир сложил руки перед собой и качнулся с пятки на носок.

— Вы говорите красивые речи. Однако должен напомнить: брак, заключенный ради уклонения от закона, будет признан недействительным.

— Я не уклоняюсь от закона, — не согласился Арсений. — Я его исполняю. В законе не указано, что моя супруга обязана нравиться вам или не иметь приводов в Управление. Сердцу не прикажешь, как говорится.

Портрет генерала Даниэля довольно хмыкнул.

Белир перевел взгляд на меня.

— Госпожа Альер, вы же понимаете, что этот союз не снимает с вас подозрений в варке запрещенного зелья?

— Безусловно. Но час моей свадьбы — не время для обсуждения того, что меня обвинили несправедливо.

Арсений едва заметно усмехнулся, явно одобряя мою тактику ведения словесного боя. Ну а что, я и не спорила, и не скандалила, но дала понять — давайте обойдемся без запугивания.

— Пойдем, любимая, — сказал Арсений и протянул мне ладонь.

Некоторое время во мне боролись противоречивые чувства.

— Вы сомневаетесь, госпожа Альер? — тотчас встрял Белир. — Бракосочетание можно отложить или отменить.

— Что вы, никаких сомнений. Брак с Арсением — то, о чем я мечтала со дня нашего знакомства, — качнула головой и схватилась за руку «своей мечты» как за спасательный плот.

Регистратор начал читать формулу заключения брака из книги, которую взял со стола.

Слова были придуманы еще в старину, а потому от них тянуло тяжеловесностью и такой торжественностью, которая плохо сочеталась с нашим соглашением. Там говорилось о покровительстве и защите, об ответственности перед предками. Обо всем говорилось, кроме любви.

Магия рода Вирнгольдов поднялась от пола к стенам. Скользнула прохладой по телу, коснулась моих туфель, запястья, воротника с приколотой ветвью.

Мне внезапно захотелось отступить. Сбежать. Скрыться. Сделать что угодно, только бы на корню оборвать поспешное решение, пусть отказ и стоил бы мне дара.

Но я зажмурилась и приняла магию смерти в себя. Пустила ее по рукам и ногам, позволяя беспрепятственно окутывать каждую мою клеточку.

— Арсений Вирнгольд, принимаете ли вы Мирославу Альер под свое покровительство и обещаете оберегать ее с этого дня и до скончания веков?

— Да, — сказал он.

Голос его оставался равнодушным, лишенным любых человеческих эмоций. Он не колебался, заключая сделку в зале с мертвыми свидетелями. Формула была древней и пафосной; юридически союз, разумеется, можно было расторгнуть.

— Мирослава Альер, — произнес регистратор, — принимаете ли вы имя Вирнгольдов и соглашаетесь ли вступить под покровительство Арсения Вирнгольда до скончания веков?

На секунду появилась дурная мыслишка: ответить Нет.

Не принимаю, идите вы все лесом.

И меня бы сразу же, под белы ручки, увели обратно в Управление, а дату лишения дара назначили быстрее, чем высохнут чернила на бумагах о задержании.

Я подняла взгляд на Арсения.

Он уловил мое замешательство, но не пытался подтолкнуть меня к правильному выбору. Просто ждал моего решения так, будто действительно признавал за мной право отказаться, даже если отказ испортит ему собственную жизнь.

— Да, — выпалила я.

Кольца поднялись из вазочки и поплыли в нашу сторону. А затем легли в наши ладони. Арсений взял кольцо поменьше и надел мне на безымянный палец левой руки. Оно село как влитое.

Грудь сковало ледяной броней, и холод побежал по конечностям. Но ответно кольцо на палец мужа я натянула с подозрительной быстротой.

Регистратор выдохнул с таким облегчением, будто это он только что вышел замуж за некроманта.

— Союз зарегистрирован.

— Кроме того, до окончания дознания Мирослава Вирнгольд находится под защитой рода Вирнгольдов и не может быть подвергнута лишению дара, — захлопал в ладоши Белир, изображая радость.

Мое имя вытянулось, потяжелело и стало похоже на чужое платье с тугим воротником.

— Отрадно слышать, — улыбнулся Арсений, притягивая меня к себе.

На удивление, его тело оказалось таким горячим, после того могильного холода, что сковал мои руки и ноги. Потому я даже не сопротивлялась, а сама прижалась сильнее, изображая великую любовь.

— Поздравляю, лорд Вирнгольд. Вы исполнили требование Управления с редкой изобретательностью.

— Я всегда уважал точные формулировки закона, — склонил голову Арсений.

— Несомненно. Я, разумеется, проведу проверку действительности брака. Думаю, завтра — хорошая дата.

— Завтра? — переспросила я.

— Вы же понимаете, госпожа Вирнгольд, — он произнес новую фамилию с насмешкой, — столь поспешный союз с подозреваемой по делу о запрещенном составе требует особого внимания. Управление должно убедиться, что на вас не оказывалось давления, а брак не является фикцией, направленной исключительно на препятствие правосудию.

— Может, вам стоит пересмотреть законы, позволяющие такое? — захлопала я ресничками, не отпуская Арсения из объятий.

Он хмыкнул мне на ухо.

Белир криво улыбнулся.

— У вас острый язык, посмотрим, поможет ли он в браке.

— Не сомневайтесь: мой супруг обожает мой острый язык, — заявила я и поцеловала Арсения.

Нет, это не был поцелуй, полный страсти. Скорее — я неловко клюнула его в губы, но некромант ответил, и несколько секунд мы вполне реалистично подтверждали свой статус новобрачных, под довольные хлопки неживых родственников Вирнгольда. Губы его оказались горячими.

Стыдно признать, но мне понравилось целоваться со своим мужем. Пусть и фиктивно. В животе потеплело, и дыханию стало тесно в груди.

Оторвавшись от меня, Арсений сказал:

— Мирослава, нам нечего опасаться. Мы пройдем проверку.

Его тон был мягок, и я кивнула, хотя внутри кипело от раздражения и чего-то еще. Непонятного, не связанного со злостью на магов из Управления или моим бедственным положением. Наоборот, мои эмоции оказались удивительно приятными. Лживый поцелуй принес мне неподдельное удовольствие.

Это пугало.

А завтра в этот дом вернется Белир и будет наблюдать, достаточно ли хорошо я изображаю жену некроманта.

Когда они с регистратором (последнему так налили за здоровье молодых) ушли, в зале некоторое время сохранялось молчание. Потом бабушка Агата сказала:

— Ну что ж. Бывало и хуже.

— Правда? — спросила я.

— Угу, деточка. Например, в тысяча семьсот третьем году. Жених умер до клятвы, а невеста от обиды вышла за его брата.

— Бабушка, — устало произнес Арсений.

— Что? Девочке полезно знать семейную историю.

— Думаю, да, не помешает, — согласилась я, рассматривая колечко на пальце, — ведь мы не подозреваем, что попытается выудить Белир при проверке. Вдруг копнет в твое семейное древо?

Арсений поморщился.

— Тогда он в нем же и увязнет.

— Но было бы неплохо изучить его подробнее.

— Я положу вам книги о роде Вирнгольдов, и у вас будет целая ночь, чтобы ознакомиться с ними, — отозвался стоящий в дверях Филипп.

Генерал Даниэль в портрете проворчал:

— Ночь нужно посвятить зачатию наследника, а не чтению всякой белиберды

— Думаю, мы обойдемся без наследника, — решительно отверг это предложение Арсений. — У нас с Мирославой взаимовыгодное сотрудничество. Ночевать мы будем в разных постелях. Потому что если ей хочется читать — я не препятствую. Но сам предпочту хорошенько отоспаться.

Я ощутила внезапный укол обиды. Почему мне неприятно, что он так легко от меня отказывается? Это ведь и есть наша договоренность. Раздельные спальни входят в условия контракта между нами.

Ну и ладно. Буду читать о Вирнгольдах.

— А если Белир спросит про мою семью? — засомневалась я.

— А с твоей семьей связано что-то увлекательное?

Все взгляды — живые и мертвые — обратились в мою сторону. Я почувствовала, как кольцо холодит кожу.

— Нет, но тебе не помешает знать хотя бы, как зовут моих родителей.

— Что ж, напиши их имена на листе бумаги и передай с экономкой.

Арсений встретился со мной взглядом, в котором читалось полное безразличие. Я была для него никем. Галочкой в бумагах, и только.

Портреты недовольно зашептались, бабушка Агата фыркнула, а Филипп тактично сделал вид, что рассматривает пол.

Я посмотрела на кольцо в очередной раз и тряхнула ладонью.

Что ж, брак обещает быть интересным.

Глава 6. Ночьпосле свадьбы

Арсений

Девчонка понравилась моей мертвой родне.

По правде, это раздражало.

Род Вирнгольдов вообще редко принимал кого-то в семью с распростертыми объятиями. При жизни эти интриганы занимались некромантией, политикой, семейными проклятиями и воспитанием потомков без любви и сострадания. После смерти характеры у них не улучшились.

Но сегодня они были довольны происходящим.

Портреты светлели, призраки в галерее переговаривались возбужденно, а покойная бабушка Агата уже успела трижды произнести слово наследник, хотя после первого раза я предупредил ее, что перенесу портрет в кладовую.

Мы отужинали и разошлись по комнатам. Мирослава со мной не разговаривала, да я и сам не особо стремился завести душевный разговор. Хотелось сразу определить наши места. Мы изображаем мужа и жену, но не обязаны сближаться. Мне не нужна трепетная супруга под боком, тем более такого низкого колдовского класса.

Я утер нос Управлению, и на том спасибо.

Осталось разобраться с ее проблемой.

Я не особо спешил заниматься поиском того, кто подставил Мирославу. Нет, обманывать ее я тоже не собирался, преступник обязательно будет пойман. Но время у нас есть. К чему торопиться?

После обряда она обложилась книжками, дабы изучить мое ветвистое семейное древо. Наивное. Ей года не хватит, чтобы разобраться в хитросплетениях Вирнгольдов. А я ушел к себе в рабочий кабинет, где дожидался Могильник.

Его передали мне под расписку. До окончания экспертизы и расследования он числился объектом посмертного исследования.

Мирослава не варила это зелье. Но кто и зачем подложил ей его? Кому нужно подставить мелкую бытовую зельеварку?

Мне не следовало торопиться. Расследование, как ни звучит это мерзко, было выгоднее растянуть: пока дело Мирославы не закрыто, брак защищал меня от посягательств Белира. Чем дольше длилось дознание, тем наш союз выглядел правильнее.

Но я все равно снял первый магический слой с бутылка.

Тьма внутри матового стекла дрогнула, будто проснулась. По кабинету прошел мороз, свечи на столе вытянули пламя тонкими синими иглами. Могильник был сделан чисто. Хорошее качество, почти безупречное.

Я взял нож для вскрытия чар и начал разбирать вязь вокруг горлышка.

— Мальчик, шел бы ты к своей женушке, — покачала головой бабушка Агата.

Ее портрет висел справа от двери. Вообще-то она должна была встречать гостей при входе в дом, но бабушка и при жизни была особой беспокойной, на месте ей не сиделось. Слуги переносили раму по десять раз на дню, в самые неожиданные места.

В личные комнаты ей, как и другим мертвецам, доступа не было. Но кабинет считался общественным местом, потому мне она частенько досаждала.

— У нас фиктивный брак, — напомнил я. — Думаю, моей женушке хватит потрясений и без меня во тьме ночной.

— Ты недооцениваешь юный женский организм, — прыснула бабушка. — Пусть союз и фальшивый, но детишки от него могут получиться вполне настоящими.

— Нет уж, спасибо.

У двери вежливо кашлянули.

— Я подумал, вы захотите чая, — сказал Филипп.

Еще один помощник пожаловал. В костлявых пальцах он держал поднос. Я взял чашку и, поблагодарив скелета, спросил:

— Как там Мирослава?

— Она взяла книги и удалилась с ними в спальню. А еще потребовала нормальную ночную сорочку.

Бабушка Агата всплеснула руками.

— Какая практичная девочка! Надо бы подобрать ей батист с кружевом из моих запасов.

— Вы уже выбрали одну ночнушку, — покачал головой Филипп. — Миледи попросила убрать её, пока не умерла от стыда.

— Ой, ну немного откровенная. И что такого? Супружеский долг как иначе исполнять? — оскорбилась бабушка.

Я невольно усмехнулся.

— Бабушка, еще раз для непонятливых мертвых: никакого супружеского долга не будет.

— Я что, зря выбираю цвет занавесок в детской?!

— Бабушка — Мой голос стал холоднее.

— Да что ты ершишься, мальчик? В этом доме давно не было женщины, которая способна пережить знакомство с Вирнгольдами и не лишиться рассудка.

Я бухнул чашку на стол, понимая, что истина в ее словах имелась. К сожалению. Мирослава оживила наш тихий, полумертвый (во всех смыслах) дом.

Хоть она и боялась ехать сюда, но знакомство с родней ее словно раззадорило. Она научилась язвить в ответ и вообще не выглядела загнанной ланью, которую привели на съедение к магам смерти.

Именно поэтому Вирнгольды, сохранившиеся в портретах, смотрели на нее не как на мою временную супругу. Они видели в Мирославе женщину, которая навсегда вошла в нашу семью.

Такой расклад меня не устраивал.

— Магия рода отозвалась на приход твоей жены, — серьезным тоном произнесла бабушка Агата, так и не дождавшись моего ответа. — После обряда энергия заклубилась. Такого не было со дня женитьбы твоих родителей.

— Магия может ошибаться.

— Ты сам понимаешь, о чем говоришь? Это невозможно.

Я потер переносицу и внимательно посмотрел на флакон Могильника. Внутри тьма медленно повернулась, будто прислушивалась.

Бабушка Агата нахмурилась.

— А тебе не жалко девочку? Ты ведь используешь ее в своих целях.

— Я заключил с ней сделку, — ответил я, продолжая изучать вязь на флаконе. — На понятных условиях. Без принуждения. Зачем мне ее жалеть?

Ответ получился слишком резким, я и сам это понял, стоило произнести слова вслух.

Я женился, чтобы выиграть себе время, Мирослава вышла замуж, чтобы спасти свою шкуру. Но почему-то родня считала, что я обижаю несчастную бедняжку своим равнодушием. И мне внезапно передавался их настрой.

— Какая прелесть. Значит, если бедную девушку прижали к стене лишением дара, а ты предложил ей единственную дверь, ведущую не в пыточную, это теперь называется «без принуждения»?

— Она могла отказаться.

— Угу. И еще могла радостно отправиться обратно в Управление, попросить хорошую камеру, вежливого дознавателя и красивую траурную ленту. Арсений, не притворяйся идиотом.

— Вы хотите сказать что-то конкретное, бабушка?

— Хочу. Мирослава заслуживает хорошего мужа.

Я натянуто рассмеялся:

— Тогда ей следовало выйти замуж за кого-нибудь другого.

— Возможно, — согласилась старушка неожиданно мягко. — Но она предпочла тебя, тугодума.

Я молчал.

— Она держалась сегодня лучше многих живых, — добавила бабушка. — Не заставляй ее жалеть об этом.

— Прослежу, чтобы госпоже Мирославе ничего не требовалось, — поклонился скелет и вышел из кабинета.

Бабушка Агата прищурилась.

— Признай, она тебе небезразлична.

— Ошибаешься.

— Разумеется, дорогой. Что уж я, старая, понимаю.

Когда бабушка, наконец, соизволила замолчать, я остался один.

Я не влюбился в свою жену. Мирослава Вирнгольд была для меня вынужденным решением, остроумной пощечиной Управлению. Не более того.

И всё же меня глодало неприятное чувство.

Мне хотелось зайти к ней в спальню. Не для исполнения супружеского долга, разумеется. Этого я как раз не хотел и не собирался нарушать условия, которые она с такой яростью выторговала. Но я слишком отчетливо представил светлую комнату, пустые шкафы и Мирославу, оставшуюся там в одиночестве.

Вдруг ей тоскливо? Или страшно?

Мои родственники могут самых отважных довести до нервного срыва. А она ведь такая хрупкая

Я потянулся к звонку.

Через минуту в дверях вновь появился Филипп.

— Милорд?

— В оранжерее остались розы? Соберите букет для госпожи Мирославы, — приказал я. — Небольшой. Без черных лент и без двусмысленных пожеланий, если можно.

— От вашего имени?

Я помедлил.

— Да. Поздравь ее с заключением брака. Ах да, цветов должно быть нечетное количество. А то знаю я тебя.

Филипп вышел, а я снова глянул на флакон Могильника и обреченно застонал, думая о том, почему меня вообще так волнует собственная жена.

Глава 7. Новый статус

Филипп выдал мне семейные книги Вирнгольдов, и после ужина я, обложенная знаниями, отправилась к себе. Ну, еще пирожных захватила. Как-никак, первый раз замуж выхожу. Неплохо бы отпраздновать.

Как оказалось, сюрпризы не закончились. Потому что в спальне, на подушке лежала ночная сорочка из тончайшего кружева.

Рядом обнаружилась записка.

«Для первой брачной ночи. С любовью, бабушка Агата».

Я подняла сорочку двумя пальцами. Она была такой прозрачной, что от одного взгляда на нее мои щеки покрывались стыдливым румянцем. Да уж, старушка-затейница. Решила организовать зачатие наследников.

— Филипп! — позвала я.

Дверь вскоре открылась. Вездесущий скелет-дворецкий возник на пороге.

— Миледи?

— Уберите это.

Он с жалостью посмотрел на сорочку, если в глазах-провалах вообще может быть жалость. Но вздох издал очень уж тоскливый.

— Бабушка Агата отдала свою любимую сорочку.

Она еще и ношенная?! Точно не надо, спасибо.

— Передай, что я очень благодарна за ее заботу. Но мне нужна обычная ночная рубашка. Для сна, а не совокупления.

— Услышал вас.

Филипп забрал сорочку так бережно, будто нес раненую птицу.

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и некоторое время обдумывала, не сойти ли с ума. Ну, так, для полноты картины. А что, сегодня меня обвинили в варке запрещенного зелья, выдали замуж за некроманта, познакомили со скелетом-дворецким и кучей мертвых родственников. Небольшой психоз был бы логичным завершением дня.

И всё же я решила доесть пирожные и немного почитать о Вирнгольдах. В итоге зачиталась настолько, что уснула. Так и не дождавшись ночнушки, завалилась прямо в парадном платье в постель.

И проснулась оттого, что на лицо легло что-то тяжелое. Мне показалось, что меня душат подушкой. Непередаваемые эмоции, если честно.

— А-а-а!

Это что-то прыгнуло вбок и прижало лапу к моему рту, как бы намекая: ну чего визжишь, я просто прилег рядышком.

Я приоткрыла один глаз.

На подушке возлежал толстый котяра. Морок растянулся во всю длину и смотрел на меня глубоким, задумчивым взглядом.

— Доброе утро, вредитель, — сипло поздоровалась я.

Кот лениво моргнул. В его желтых глазах читалось: «И что ты мне сделаешь?»

Действительно. Убедительный аргумент.

Я села, стараясь не потревожить это черное воплощение тьмы. Морок тут же недовольно дернул хвостом.

Секундой позже я увидела цветы.

На туалетном столике стояла высокая ваза. В ней бледнели розы с едва заметной розовой тенью у сердцевин. Свежие, набухшие влагой цветы, словно их срезали совсем недавно.

Мои щеки загорелись, и приятное чувство теплом расплылось в груди.

Вообще, сам по себе букет не должен был что-то для меня значить. Мой муж — а кто еще мог их подарить? — не стал лучше от того, что где-то в ночи раздобыл розы. Может, такова семейная традиция или дань вежливости.

Но сердце предательски затрепетало.

Потому что никто и никогда не дарил мне цветов. Никаких: ни полевых ромашек, ни роскошных композиций. Даже случайные ухажеры предпочитали более прагматичный подход: они могли предложить оплатить мой ужин в трактире, но не купить жалкий тюльпан.

Я и не просила у них чего-то, и не жаловалась. Но оказалось, что получить цветы — жутко приятное событие.

Спустив ноги на холодный пол, я на цыпочках подошла к столику. К вазе прислонили записку. На плотной кремовой бумаге аккуратным почерком было выведено:

«Миледи Мирославе от милорда супруга.

Цветы доставлены к брачному ложу по личному распоряжению господина Вирнгольда. Черные ленты не использовались. Двусмысленные пожелания не писались.

Просто от лица мужа желаю вам доброго утра, крепкого репродуктивного здоровья и наследников да побольше.

Дворецкий-Филипп».

Мой восторженный задор разом испарился.

Действительно, никаких двусмысленных пожеланий. Всего-то наследников пожелал от лица Арсения.

Морок на кровати фыркнул так выразительно, будто полностью разделял мое мнение о формулировках.

И всё же, вжавшись носом в бутоны, я рассмеялась. Потому что сцена была дурацкой до невозможности. Значит, розы мне подарил не муж, а скелет-дворецкий. Правда, поручил их прислать Арсений. Это считается?

Наверное, у него проснулась совесть.

С трудом разгладив измятое платье, я вышла из спальни.

К завтраку меня сопровождал тот же Морок, причем сопровождал так, будто не я шла в столовую, а он выводил подозрительную новую жильчиху на допрос. Кот неторопливо спускался по лестнице впереди меня, иногда оглядывался и недовольно дергал ухом, если я, по его мнению, недостаточно быстро осваивала маршруты дома.

То ли особняк утром оказался менее пугающим, то ли я за ночь настолько устала бояться, что мой внутренний запас ужаса закончился. Но меня уже ничего не удивляло. Ну, елозят люди в портретах. И что с того? Бывает.

В столовой меня встретил стол, накрытый на двоих. Только вот я пришла на завтрак первой. Возможно, даже единственной.

Почему-то отсутствие супруга меня огорчило. Мог бы и сподобиться подняться пораньше.

— Доброе утро, миледи, — оскалился Филипп, расставляющий приборы. — Как вам спалось?

— Великолепно. Подскажите, записку писали вы? Которая лежала возле цветов в моей спальне?

Скелет так чинно сложил руки на подносе, что у меня не осталось никаких сомнений.

— Конечно же, я. Она ведь подписана. А что, вам не понравилось? Я стремился исполнить поручение милорда в максимально корректной форме.

— Вы пожелали мне репродуктивного здоровья и кучу детей!

— Но-но, я четко указал «наследников». И не вам конкретно, а нашей семье.

Бабушка Агата из портрета у окна неистово заржала, что плохо вязалось с ее утонченным образом. Я же хлопнула себя по лбу.

— Боюсь даже представить, какие варианты вы отвергли.

— Поверьте, они были куда менее пристойными.

— А Арсений видел записку?

— Нет, зачем ему? Он поручил ее написание мне, — пожал тем, что осталось от плеч, скелет.

Даже не знаю, обрадовало меня это знание или огорчило. Наверное, и хорошо, что Арсений не давал добро на такие писательства. Но он мог хотя бы ознакомиться с тем, что дворецкий строчит для его же букета.

Филипп поставил передо мной тарелки с едой, и я с аппетитом накинулась на омлет с овощами.

— Милорд просил передать, что присоединится к вам позже, — объяснил дворецкий. — Он работает в кабинете с флаконом.

А вот это известие радовало. Арсений не отложил поиски настоящего варщика Могильника. Значит, у меня есть шанс выбраться из брака и спастись из этого дурдома с мертвыми родственниками как можно скорее.

Что там говорят? Мол, выбирайте мужа-сироту?

Ну, вот, выбрала. А вся его родня приперлась с ним, только в виде призраков.

В общем, я спокойно завтракала, пока в столовую не вошла Марта.

— Миледи, ваши вещи доставили с задержкой. Я планировала разобрать их вчера, но возница приехал только сегодня.

Я кивнула.

— Спасибо вам.

Женщина отмахнулась с жутко недовольным лицом.

— Ваши сундуки в спальне, а зелья и травы временно размещены в малой кладовой. Я не позволила грузчикам бросить белье в один ящик с настойками, хотя они пытались.

— Ясно. Но почему тогда у вас такой вид, будто случилось нечто ужасное?

— Прочитайте для начала опись.

Она положила передо мной лист, который достала из какой-то складки своего фартука.

Ну, на первый взгляд, всё нормально. Одежда и книги, связки трав, ступки, даже пустые флаконы и запас чернил. Всё было перечислено ровным почерком, с полным равнодушием. Вся моя жизнь — теперь хранится в сундуках.

Но когда первая радость схлынула, я начала замечать мелочи: список трав полупустой, готовых зелий тоже почти не передали, лишь несколько наименований. Заготовок — с десяток штук, хотя я выделяла им целый шкаф. Даже одежда и та была перевезена не полностью.

— А почему так мало вещей?..

— Управление заявило, что до окончания дознания они забрали остальное в качестве возможных улик.

— Мои чулки — в качестве улик?! — возмутилась я.

Похоже, вчерашняя шутка Арсения про трусы была пророческой.

Марта кивнула.

— Вот именно. К счастью, по распоряжению лорда все их «улики» внесены в отдельный список. Он намерен требовать компенсацию, если обвинения будут сняты.

Если?..

Даже экономка Вирнгольдов не верит в мою невиновность?

— КОГДА они будут сняты, — раздался от двери голос Арсения.

Я подняла голову.

Он стоял на пороге, по обыкновению бледный, собранный и довольно свеженький. Ну, в плане, не засыпал на ходу. Только под глазами залегли слабые тени, а на манжете темной рубашки я заметила тонкий серый след — то ли пепел, то ли лунная сажа.

Морок, до этого развалившийся у моих ног, тут же поднялся и неторопливо пошел к нему. Арсений опустился на колени, и кот боднул его ладонь.

— Доброе утро, — улыбнулся Арсений, поднимаясь.

— И вам. Спасибо за цветы. Филипп подобрал отличный букет. Записка тоже была неплоха, — хмыкнула я.

— Что именно написал мой непокойный дворецкий? — каким-то образом муж сразу угадал, что я недоговариваю.

— Да ничего особенного. Пожелал бабьего здоровья да детей с десятков штук.

Арсений поперхнулся и пригрозил Филиппу кулаком. На мгновение наши взгляды встретились. Такая бытовая, обычная сцена, что мне стало неловко. Будто мы действительно оказались мужем и женой, у которых есть скелет-дворецкий, кот, ну и мертвая бабушка.

Короче говоря, сомнительный домашний уют во всей красе.

Арсений отвел взгляд первым.

— После завтрака поговорим о Могильнике, — заявил он ровным тоном.

Вот умеют же некроманты испортить момент! Как теперь есть? В общем, ждать я не стала.

— Вы что-то нашли?

Он сел напротив, но к еде не притронулся, лишь ковырнул вилкой вафлю.

— Пока исключительно наметки. Я много думал над тем, кому и зачем могла приглянуться именно твоя лавка. У нее удобное расположение, не находишь ли?

— Ну, да. Недалеко от центрального рынка.

— Как ты ее приобрела?

— Выкупила у прошлой владелицы. Я первое время работала помощницей, а когда госпожа Лорри перестала управляться с делами в силу возраста и здоровья, она предложила мне забрать дело себе.

— Наверное, и цена была не так высока? — он ухмыльнулся.

— Да, чуть ниже рыночной, — не стала спорить я. — Мы хорошо общались, и госпожа Лорри сама говорила, что в могилу деньги не унесет. Наследников у нее не было. Потому она и продала лавку задешево.

— Бывшая хозяйка жива?

— К сожалению, ее скосила болезнь год назад.

— Ясно. Ее исключаем. Мне понадобится список твоих постоянных поставщиков. Тех, с кем ты работала больше двух раз. Сможешь припомнить?

Я нахмурилась.

— Ну, в теории да. А зачем он вам?

— Я хочу изучить все гипотезы. Флакон ведь как-то попал в вашу лавку, да и запись в журнале подделали неспроста. Кто-то знал твой почерк и расположение ящиков. Значит, этот человек какое-то время общался с тобой. Для начала нужно изучить поставщиков.

В груди неприятно похолодело.

До этого подстава казалась чем-то безликим и потому далеким, словно всё это происходило не со мной. Но слова Арсения вдруг сузили круг до чего-то куда более личного.

Кто-то ведь, и правда, бывал в моей лавке и видел мой почерк.

Кто-то, возможно, улыбался мне, жаловался на радикулит или обсуждал погоду, а потом притащил Могильник и сообщил страже, что он хранится среди моих зелий.

— У меня не так много поставщиков, — объяснила я. — Основные травы я беру у господина Рейя с Южного рынка. Стекло — у братьев Лист. Сухие основы — у вдовы Клюм. Редкие компоненты почти не покупаю. Они мне не по карману. Что-то собираю сама. Вот и всё.

— Пепельную астру когда брала?

— Никогда.

— А лунную сажу?

— Хм. Вроде бы два года назад. Для индивидуального заказа. И то совсем немного, с разрешения Управления. Запись должна быть в старом журнале.

Арсений почесал переносицу.

— Хорошо. Еще я собираюсь поговорить со стражей, которая привела тебя ко мне.

Я нахмурилась.

— Да там был только капитан Берн и его помощник. Такой рыжеволосый паренек. Но они оба вроде нормальные. Когда меня увозили к вам, они

Арсений внезапно поморщился.

— Во-первых, не нужно опять мне выкать. Мы всё-таки женаты. А во-вторых, я всё равно хочу пообщаться и с капитаном, и с помощником, и с другими твоими рабочими связями.

Наверное, меня должно было порадовать, что можно больше не выкать друг другу. Но мысли мои находились в моей лавке, там, где нашелся чертов флакон. Кто и зачем хотел меня подставить?

— Я сейчас же составлю список.

Я попыталась подняться, но Арсений покачал головой.

— Для начала поешь. Список никуда не денется.

— Я уже поела.

— Ты поклевала еду.

Я прищурилась.

— С каких пор ты так печешься о моем аппетите?

— Мира, не вредничай, — произнес он со вздохом. — Я просто не хочу, чтобы ты упала в обморок от голода.

Что-то в его тоне заставило меня подчиниться. В нем появилось нечто легкое, дружеское. Он даже назвал меня «Мирой», как называют товарища, а не фиктивную жену.

В общем, я взяла кусок только-только испеченного хлеба и откусила.

— Убедил.

Арсений тоже съел несколько ложек каши, запил её чаем. Некоторое время все ели, включая кота, которому поставили фарфоровую миску прямо под стол.

— Через полчаса жду тебя в кабинете. Возьми список поставщиков, а заодно попытайся вспомнить всех своих постоянных клиентов. Отработаем каждого в порядке очереди, — подытожил Арсений и, поблагодарив за завтрак, вышел из столовой.

Глава 8. Высчастливы, госпожа Вирнгольд?

Список мой ограничился теми тремя именами, которые я назвала ранее. Поставщиков у меня было мало, потому что я работала с одними и теми же людьми годами.

Арсений еще раз ознакомился с фамилиями за своим письменным столом, где рядом с бумагами стоял запечатанный футляр с Могильником. Я сглотнула, увидев причину всех своих бед. Но села напротив и попыталась сосредоточиться на разговоре.

— Это всё? — поинтересовался он.

— Я мелкая зельеварка, а не владелица подпольной империи.

— Хорошо, поговорю с ними. А что насчет клиентов?

Я потеряла виски.

— Ты будешь смеяться, но их тоже наберется хорошо, если с десятков штук. Ну, к примеру, госпожа Лейн. Тетка неплохая, но очень уж любопытная. Закупалась у меня снадобьями для всей семьи, раньше ходила к прошлой владелице. Считай, перешла ко мне по наследству.

Арсений сделал пометку.

— Еще?

— Кузнец Виталий Лумм. Брал мазь от ожогов. Вечно себе пальцы обжигал. Еще была портниха Сайя, вроде зовут Маргаритой. По-моему, она зависима от снотворных капель, ибо скупала их коробками. Но кто я такая, чтобы запретить человеку тратить деньги?

Я вспоминала еще и еще, и внезапно оказалось, что постоянных клиентов у меня куда больше, чем поставщиков. Приятных людей, вежливых, с которыми мы общались о личных делах.

— Был еще господин Антон Лют, — назвала я последнее имя. — Он закупался для дочери. Бедняжка постоянно болела. Я даже делала ему скидку.

— Чем болела дочь?

— Кашляла чахоточно. Девочке лет десять. Я ее ни разу не видела, но он рассказывал о ней так нежно. В общем, хороший человек.

Арсений тут же съязвил:

— Да у тебя все люди хорошие. Кто-то из них тебя обдурил и подложил Могильник, а так да, замечательные.

Я хотела возразить, но в дверь постучали.

Филипп вошел беззвучно, что удивительно для его кхм комплекции. По моему мнению, скелет должен постоянно греметь костями.

— Милорд, миледи. Прибыл представитель Управления господин Белир. С регистратором брачных союзов.

Я сразу забыла и про список, и про клиентов, и даже про Могильник. И так, с минуты на минуту нас будут разглядывать, как диких зверушек в зоопарке. А портреты Вирнгольдов наверняка не удержатся от едких комментариев. И бабушка Агата, чего доброго, опять заведет речь о наследниках.

Я повернулась к мужу.

— Наши действия?

— Не пытайся доказать любовь, ты не обязана сходить по мне с ума. Не придумывай лишнего. Белир будет ловить нас не на холодности друг к другу, а на лжи. Говори правду, но очень дозировано. Ну и козырни знаниями про моих предков. Ты же зачем-то прочитала мою родословную.

В холле нас уже дожидались.

Белир стоял у лестницы так, будто это был не чужой дом, а зал суда, который он временно разрешил нам использовать. Рядом переминался регистратор с брачной книгой. Он ста-

рательно пытался не смотреть на портреты. Зря. Портреты-то смотрели на него с огромным любопытством.

— Господа Вирнгольды, — Белир кивнул нам. — Как приятно видеть вас вместе.

— Мы женаты, — сказал Арсений. — Думаю, вы будете часто видеть нас вместе.

Какой-то портрет хихикнул, но я так сразу не смогла определить, кто из родственников Арсения решил отличиться. Глава Надзорного отдела поднял глаза куда-то к потолку и произнес:

— Дом Вирнгольдов, как всегда, полон странностей.

— И свидетелей, — бодро сказала Агата. — Ведите себя прилично. Мы всё запомним.

Регистратор побледнел, сливаясь по цвету с белоснежными манжетами своей рубашки. Белир же улыбнулся.

— Управление не сомневается в гостеприимстве вашего рода. Но поспешность брачного союза вызывает вполне закономерные вопросы.

— Разумеется, — ответил Арсений ровным голосом. — Пройдемте в гостиную. Филипп, будьте добры, сделайте кофе со сливками.

Скелет поклонился и исчез, а я на негнущихся ногах пошла следом за супругом. Он вел меня под руку, и его ладонь была теплой и твердой. Хотелось бы верить: он знает, что делает.

В гостиной Белир устроился в кресле с видом человека, который никуда не торопится и потому замучает нас вопросами. Регистратор примостился на краешке стула и раскрыл папку с бумагами, приготовившись записывать. Портрет бабушки Агаты, который Филипп перевесил над камином, следил за происходящим с откровенным неодобрением.

— Начнем с простых вопросов, — произнес Белир, доставая из кармана небольшой блокнот. — Госпожа Вирнгольд, не могли бы вы рассказать, при каких обстоятельствах вы познакомились с супругом?

Я открыла рот, но Арсений меня опередил:

— В Некромантском крыле Управления.

— Как романтично! — ахнула бабушка Агата с портрета.

— Бабушка, — устало осек ее Арсений.

— Что? У каждого рода свои традиции. Я вот с третьим супругом познакомилась на кладбище. Как сейчас помню: копаю я могилу

Она не закончила, хотя я, признаться, даже заинтересовалась.

— Позвольте уточнить: познакомились вы вчера днем? — напирал Белир, и в голосе его звучала откровенная насмешка.

— Нет, — ответил Арсений. — Месяца три назад Или четыре?

— Определенно четыре, — поддакнула я. — Я приходила по делам.

— Да, а я сразу же обратил внимание на эту великолепную девушку, — взгляд Арсения потеплел. — Когда встречаешь человека, с которым готов провести жизнь, не имеет значения, при каких обстоятельствах это произошло.

— Действительно, — Белир перевел взгляд на моего мужа. — Господин Вирнгольд, позвольте полюбопытствовать: что именно привлекло вас в госпоже Альер? До недавнего времени вы, насколько мне известно, не проявляли интереса к зельеваркам.

Арсений посмотрел на меня — долгим, мягким взглядом, от которого я засмушалась.

— Мирослава обладает редким сочетанием качеств. Ум, честность, прекрасное чувство юмора. И, что немаловажно, она не упала в обморок при виде Филиппа. Для дома Вирнгольдов это редкость.

Белир нахмурился.

— Что ж, звучит чудесно. Продолжим. Госпожа Вирнгольд, как вы относитесь к специфике рода вашего мужа? К его профессиональной деятельности?

— Некромантия — древнее и уважаемое искусство, — отчеканила я. — Я полностью поддерживаю Арсения в его работе.

— Даже если эта работа подразумевает общение с мертвыми в любое время суток? Вызов духов за семейным ужином? Призраков в коридорах?

— Призраки в коридорах — это его родственники, — возразила я. — К родственникам нужно относиться с уважением, особенно если они умерли. Я даже ознакомилась с семейным древом супруга. Хотите знать, кто был основателем рода?

Я приготовилась выдавать знания скопом, как из дырявого решета. Зря, что ль, зачитывалась семейными книгами до полуночи? Но Белир покачал головой:

— Не стоит. А как вы относитесь к тому, что ваши будущие дети унаследуют некромантский дар?

— Если они унаследуют хотя бы половину талантов своего отца, я буду гордиться ими.

Арсений сжал мою ладонь — благодарно, как мне показалось. Или просто давая понять, что я отлично справляюсь.

— Как давно и каким образом господин Вирнгольд сделал вам предложение, госпожа Вирнгольд?

Я вовремя прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего.

— По правде, мы не собирались торопиться. Но обстоятельства сложились таким образом, что предложение руки и сердца вышло спонтанным. В обеденный перерыв, если хотите знать. Арсений просто сказал: «Выходи за меня». Я согласилась.

Белир перевел взгляд на Арсения.

— Господин Вирнгольд, вы сообщили супруге о причинах, по которым сами нуждались в срочном

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.